

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Галина Яворська
(Київ)

ЕВРОПА В УКРАИНСКИХ ТЕКСТАХ
(К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ КОНЦЕПТА)

Artykuł poświęcony analizie reprezentacji konceptu EUROPA we współczesnych tekstach ukraińskich. Materiały zaczerpnięto z tekstów medialnych (także z „nowych mediów”) i uzupełniono danymi pochodzącymi z ankiet, przeprowadzonych w środowisku studentów, którzy odpowiadali na pytanie „Czym jest ‘prawdziwa’ Europa?”. Koncept EUROPA jest związany z normami i wartościami, jest wrażliwy na kontekst społeczno-kulturowy, co ujawnia się zwłaszcza w okresie radykalnych zmian społecznych. Umożliwia to obserwację dynamiki konceptualizacji (wariantowości wewnątrzjęzykowej) mechanizmów zmian konceptualnych. Jednak wybrane sposoby konceptualizacji są w kolejności poddawane korekcie (metaforyczny schemat „nauczyciel – uczeń” dla zobrazowania relacji Europa – Ukraina, przedstawianie Europy jako wzorca itp.). Modyfikacja modelu oznacza w istocie zmianę, ale nie dowolną, tylko zgodną z odpowiednią ramą kognitywną i nowym kontekstem socjokulturowym.

SŁOWA KLUCZOWE: koncept, Europa, wartości, ukraiński dyskurs polityczny

В современных когнитивно-ориентированных исследованиях принято несколько общих допущений, касающихся природы языкового значения и характера связи между языком и внеязыковой действительностью. Первое из них гласит, что значение представляет собой концептуализацию опыта человеческого взаимодействия с миром. Второй тезис указывает на различие между реальным миром и миром концептуализированным, при этом подчеркивается отсутствие прямого соответствия между этими мирами. И, наконец, третье положение касается ограничения предмета лингво-когнитивного исследования: когнитивная теория языка описывает только концептуализированный мир.

Последний момент особенно важен, поскольку существуют объективные трудности в проведении четкой границы между знанием о языке и знанием о мире. На уровне лингвистической теории и методологии они, в частности, проецируются на разграничение семантики и прагматики, на отличия в структурно ориентированных исследовательских подходах и подходах, ориентированных на употребление (*usage-oriented*) и т.д. Жесткость или, наоборот, подвижность указанных границ характеризует различные семантические теории; для когнитивной семантики принципиальным является признание подвижности таких разграничений, вплоть до их отмены, нерелевантность отделения семантики от прагматики, а также установка на анализ реального функционирования языка (Geeraerts 2010: 182). Таким образом, когнитивный подход к языку снимает традиционные «разделительные линии»: между семантикой и прагматикой, между языковым значением и энциклопедическим, между синхронией и диахронией (о дихотомии язык/речь в этой связи см. Яворська 2012). Языковое значение оказывается неотделимым от других форм знания о мире, а культурные характеристики получают шанс стать неотъемлемой составляющей семантического описания. В то же время возникает риск чрезмерного расширения предмета лингвистического исследования. В этой связи тезис о его четком ограничении языковой картиной (образом) мира, становится особенно значимым (Апресян 1995: 348–388; Bartmiński 2007).

«Наивная картина мира» (Юрий Д. Апресян), «языковая картина мира» (Jerzy Bartmiński) предполагают наличие некоторого общего для носителей языка фонда знаний или «культурных пресуппозиций», репрезентированных в данном языке и носящих неявный характер. Система социальных ценностей и норм в своем значительном объеме относится к сфере культурных пресуппозиций и требует специального анализа для своего выявления.

Опыт взаимодействия с окружающим миром в различных языках и культурах, а также в одном и том же языке, взятом на разных исторических этапах, может быть представлен по-разному. Подобные особенности языковой концептуализации действительности могут быть сформулированы в терминах вариативности.

Проблема вариативности лингвистических репрезентаций одних и тех же концептов нуждается в тщательных исследованиях, так же как выявление семантических различий, зависящих от особенностей лексических и синтаксических значений в различных языках (Kövecses 2005: 131). Вариативность концептов может изучаться в двух основных аспектах: межъязыковом (и дополняющем его межкультурном) и внут-

риязыковом. При этом межъязыковые различия в концептуализации на сегодня исследованы более подробно, хотя и на различных методологических основаниях. Примерами являются работы представителей Московской семантической школы, направленные на изучение «лингво-специфичных» концептов (Юрий Апресян, Алексей Шмелев, Анна А. Зализняк, Ирина Левонтина и другие), труды Анны Вежбицкой о «ключевых» словах культуры, а также типологически ориентированные исследования в области лексической семантики (Grzegorzczukowa, Waszakowa 2001, 2003; Брицын, Рахилина и др. 2009). Среди исследований последнего времени следует назвать проект под руководством проф. Ежи Бартминьского «Концепты дом, Европа, свобода, работа, честь в аксиосфере славян и их соседей».

Что же касается внутриязыковой вариативности концептов, то эта проблема предполагает получение ответа на вопрос о механизмах концептуальных изменений и о влиянии на них социокультурных факторов. Необходимо также установить соответствия между изменениями на уровне концептов и характером изменений в средствах их вербальной репрезентации (на лексико-семантическом и лексико-грамматическом уровнях).

Относительно механизма изменений концептов в принципе возможны две объяснительные модели – «катастрофическая», предполагающая мгновенные (внезапные) изменения, и эволюционная. Заметим, что эволюционный подход принципиально не исключает представления о разрывах и скачках в процессах развития. Выявлению концептуальных изменений способствует анализ дискурсивных практик, внутри которых реализуются и воспроизводятся те или иные когнитивные модели. Таким образом, вариативность концепта в пределах отдельных одновременно существующих дискурсивных практик представляет собой аналог социально-территориальной (горизонтальной) вариативности. А диахроническая (динамическая) изменчивость концепта в пределах одного языка проясняет «вертикальные» механизмы изменений.

В нашем исследовании мы исходили из предположения о том, что возможности модификации концептуальных схем ограничены. Изменение устаревших моделей означает, по сути, их замену – но не произвольную, а соотносительную с общим когнитивным фреймом и социокультурными реалиями.

Предметом нашего анализа является концепт Европа, являющийся одним из центральных понятий украинского общественно-политического дискурса. Данный концепт отсылает к нормам и ценностям, и, как все понятия, относящиеся к нормам и ценностям, является

чувствительным к социокультурному контексту, что особенно заметно в периоды резких социальных изменений. Это дает возможность проследить динамику концептуализации (внутриязыковую вариативность) и в перспективе, при обращении к сопоставительному материалу других языков, позволит изучить межъязыковую вариативность рассматриваемого концепта. При проведении анализа мы опирались на общие принципы, предложенные Ежи Бартминьским в рамках исследовательского проекта EUROJOS. *Koncepty: DOM, EUROPA, WOLNOŚĆ, PRACA, HONOR w aksjosferze Słowian i ich sąsiadów.*

Анализ проводился на материале функционирования концепта в современных украинских медийных и новомедийных текстах. Однако отсутствие в Украине сформированного политического спектра (либералы, консерваторы) приводит к затруднениям при попытках определить политическую направленность анализируемых медийных источников. Позиции украинских евроскептиков, настаивающих на отказе от европейской интеграции и присоединении к альтернативным интеграционным проектам, до сих пор не являлись распространенными. В изданиях, выходящих на украинском языке или имеющих украиноязычные версии, в период с 2002 до 2010 г. евроскептические взгляды фактически не были представлены. В связи с этим дифференциация примеров по признаку политической направленности источника нами не проводилась. Данный момент мог бы создать затруднения при сопоставительном исследовании концепта, однако не влияет на рассмотрение его внутриязыкового функционирования.

Материал медийных и новомедийных источников дополнен данными анкетирования студентов украинских университетов, письменно ответивших на вопрос «Что такое настоящая Европа?». Мы посчитали целесообразным рассматривать эти данные не в психолингвистическом ключе, а как особый текстовый жанр вопросно-ответной структуры, обладающий определенными лингвопрагматическими параметрами, связанными, в частности, с процессом обучения как социальной практикой. Таким образом, два типа проанализированных текстов частично отражают два типа дискурса – политический и образовательный, что дает возможность установить некоторые общие и различные черты функционирования концепта ЕВРОПА в данных сферах. В статье использованы также лексикографические сведения, относящиеся к концепту.

При обращении к лексикографической информации, относящейся к термину *Європа*, следует отметить ее ограниченность. В современных украинских толковом и переводных словарях слово *Європа* (так же, как другие географические имена), согласно принятой практике

не представлено. Значение слова остается лексикографически не описанным. При этом причисление *Європа* к классу географических названий бесосновательно выводит это обозначение за пределы общеупотребительной лексики, не учитывая всех культурных и исторических коннотаций, представленных, например, в производных. Так, слово *європеїзувати* ‘перестроювати на європейський лад, зразок’ (СУМ, т. 2, 1971: 494) не является производным от *Європа* в географическом значении, а *європеєць* – это не только ‘житель европейского континента’, но и ‘человек высокой культуры’ (СУМ т. 2, 1971: 494)¹.

Мы разделяем взгляд, согласно которому определить семантический фокус или набор коннотаций, стойко сопровождающих концепт, иногда помогает этимология (Bartmiński 2007). Общепринятой этимологии у слова *Європа* нет. По одной версии, *Εὐρώπη* происходит от гр. *εὐρύς* «широкий» и *ὤψ* (*ὀψ*) «глаза; лицо; вид», т.е. *Європа* – «широколицая» (Лосев 1994). Другие, например Эрнест Кляйн, считают это народной этимологией. Кляйн связывает имя *Європа* с семитскими соотв. – аккад. *ereb* «спускаться, садиться», родств. финик. *ereb* – «вечер, закат», арабским *garb* «запад», др.-евр. *ma'arav* «запад», *'erev* – «вечер» (ср. гр. *Ἔρῆβος* «мрак, тьма») (Klein 1, 1966: 550). Во всяком случае связь Европы с Западом оказывается значимой для современного функционирования концепта. Именно вторая версия создает основания для современных связей названия *Європа* с географическим и семантическим членением мира (Яворська, Богомоллов 2010).

В укр. яз. *Європа* и производные (*європейці*, *європейський*) активно употреблялись в XIX в. в произведениях Пантелеймона Кулиша, Михайла Драгоманова, Ивана Нечуя-Левицкого, Ивана Франко. Слова *Європа*, *європейський*, *європеєць* фиксируются в Словаре Бориса Гринченко 1907 (Грінченко). Именно в этот период сформировались устойчивые сочетания *європейська культура*, *європейські ідеї*, так же как обозначились определенные устойчивые (стереотипные) признаки концепта.

В первую очередь это представление Европы как вместилища эталонной продукции и эталонного образца (в сфере духовных ценностей), отклонение от которого характерно для Украины в виде «отставания». Кроме того, Европа метафорически представлена в виде лица, занимающего более высокую социальную позицию, чем Украина. Чрезвычайно показательным в этом отношении является пример из произведения Ивана Нечуя-Левицкого, приведенный в Словаре Гринченко в качестве иллюстрации к слову Европа: *Ми кланяємося новим гуманним ідеям*,

¹ СУМ дает последнее значение с пометой *застар.* (устарелое), однако современные употребления свидетельствуют о его актуальности.

які давно розійшлись по Європі й ледві оце добираються до нас (т. 1: 466).

Європа, представлена в виде лица, занимающего позицию учителя (с метонимическим переносом на распространенные в Европе идеи), а также коннотации «устарелости» европейской продукции, добирающейся до Украины с опозданием, во многом определяют и современные культурные сценарии, связанные с данным концептом. Такое представление о Европе может принимать различную оценочную окраску – позитивную, нейтральную или отрицательно-ироническую (как выше в примере из Нечуя-Левицкого), но общая схема сохраняется.

Так, предикат *вчитися* ‘учиться’ регулярно употребляется в современных контекстах, связанных с европейской интеграцией Украины. Напр.:

Молоді донеччани вчаться демократії по-європейськи. («Європейський простір», 20.10.2008)

Вчимося у Європи долати корупцію. («Юридичний вісник України», № 49–50, 2009)

В последнее время такая позиция Европы относительно Украины приобретает негативную оценку, однако метафорическая схема УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК продолжает действовать:

«Наші відносини і з Росією, і з Європою схожі на стосунки між вчителем і учнем. Вони дають нам домашнє завдання, яке ми маємо виконати. Нас така роль не влаштовує, ми прагнемо рівноправних відносин із нашими партнерами», – говорить віце-прем'єр-міністр України Юрій Бойко. (програма Факти, ICTV, 25.01.2013).

В современных текстах Европа концептуализируется по отношению к Украине также как руководитель (начальник). Украине в этом случае принадлежит метафорическая роль подчиненного. Об этом свидетельствуют конструкции с глаголом *вимагати* ‘требовать’, часто применяющиеся в заголовках новостей, что дополнительно усиливает их вес:

ЄС вимагає від України скасування віз для румунів і болгар; ЄС вимагає від України вільного доступу до труби.

Кроме требований, Европа также дает советы (конструкции с глаголом *радити* в функции предписания относительно поведения Украины): *Європа радить Україні припинити підтримувати традиційну енергетику* (програма Факти, ICTV, 10.12.2012).

Понятно, что в межличностных отношениях предъявляют требования (также в виде советов) имеет право тот, кто занимает более высокую и более сильную социальную позицию. К этому же типу отношений, хотя и в несколько смягченном виде, отсылают конструкции

с глаголом *наполягати* 'настаивать': *ЄС наполягає на аверсному використанні „Одесса-Броди”*. Семантическое различие между *вимагати* и *наполягати* состоит в том, что в первом случае акцентировано воздействие на поведение адресата (от которого что-то *вимагають*), тогда как во втором (*наполягати*) содержится презумпция возможности невыполнения требования. *Наполягати* отсылает к ситуации дискуссии и, соответственно, не содержит явного директивного содержания.

В современных текстах актуальным является представление Европы как эталона, с которым сравнивается неудовлетворительное положение дел в Украине:

На заборону діяльності комуністів вкотре не спромоглися, і це тоді коли цивілізована Європа прирівняла комунізм до фашизму. (http://h.ua/story/262791/news_365090.html 25.03.2010)

Украину сравнивают с Европой по разным признакам, но в основном они касаются уровня и продолжительности жизни, социальной защиты, качества товаров, соблюдения законов. В целом преобладает тема безопасности и защищенности человека. Об этом свидетельствуют контексты со сравнительными и противопоставительными конструкциями:

В Україні кількість смертей з цієї причини зросла на 10%, тоді як в Європі від них [серцево-судинних та онкологічних захворювань] помирають все рідше. (газета «День», 18.01.2005)

Факты из жизни Европы касаются более высокого уровня комфорта, а действия европейцев в следующем примере представлены как рациональные и эффективные (на фоне описанных в статье неразумных и разрушительных поступков городских властей в Киеве):

До речі, в Європі в багатьох містах відновлюється рух трамвайів. Вони сучасні, не гримлять – колеса в них вкриті гумою. Ходять строго за розкладом і не залежать від руху автомобілів. (газета «Дзеркало тижня», 26.10.2007)

Из этого примера также следует, что Европа выигрывает перед Украиной по такому признаку как современность. А Украина, соответственно, предстает как страна, отстающая в развитии.

Европа предстает в современном украинском политическом дискурсе в виде объекта стремления, как сфера желательного, а не действительного. Образ Европы создается в связи с семантикой предикатов желания – *хотіти* 'хотеть', *бажати* 'желать', *прагнути* 'стремиться'.

Исследование семантики предикатов желания представляет сложную проблему. По мнению А. Вежбицкой, центральное для концепта желания значение «хотеть» входит в состав базового семантического

метаязыка, это значение является универсальным, оно представлено во всех языках мира и не раскладывается на составные части. Желание принадлежит к так называемым «семантическим примитивам», составляющим ментальный лексикон или язык мысли (Wierzbicka 1996).

Наличие среди предикатов желания синонимических единиц, таких, как *желать*, *стремиться*, *хотеть* характерно для многих языков (Апресян 1995: 466–476). Существенным для предикатов желания является различие между идеей потребности, недостатка чего-либо и идеей «беспредметности» желания. Таким образом, желание связано со специфическим ментальным и физическим состоянием субъекта, которое заключается в осознанном ощущении недостатка чего-то (как правило, важного и значимого), и готовности к действиям, направленным на то, чтобы получить приобрести то, чего недостает, путем получения объекта желания. В украинском языке существует синонимический ряд глаголов желания: *хотіти*, *бажати*, *прагнути* (последний для обозначения желания высокой интенсивности, это слово этимологически связано со *спрага* ‘жажда’).

В украинских публицистических и в официальных текстах регулярно повторяется утверждение о том, что *Україна прагне до Європи*, устойчивым стало сочетание *європейські прагнення України*.

Следует отметить, что семантика отглагольного существительного *прагнення* как интенсивного переживания отсутствия, нехватки (с жаждой, как его физическим прообразом) довольно далека от своего русского соответствия *стремление*, равно как от английского *aspirations* (связанного с идеей дыхания) из языка официальных документов ЕС, в которых говорится о признании «European aspirations» Украины. При этом английское слово *aspirations* во множественном числе обозначает, скорее, не ‘стремления’, а ‘ожидания’, в частности, как термин социальной психологии. Ср., например, название книги «Aspirations and Attainment in a Low-Income Neighborhood» («Ожидания и уровень квалификации в предместьях с низким уровнем дохода»), а также выражение *the aspirations of developing countries* ‘надежды развивающихся стран’.

Таким образом, в метафорических отношениях с Европой Украина концептуализируется как лицо, испытывающее интенсивное желание попасть в Европу или имеющее европейские стремления. Однако поведение Европы относительно Украины описывается в поле желания иным образом. Речь идет о регулярно повторяющихся упоминаниях о том, что в Европе Украину «не хотят»²:

² Следует принять во внимание, что конструкция *хотіти* + обозначение лица

Але тут доречно з легкою ноткою оптимізму в голосі додати, що ЄС нас не хоче, бо наразі не може запропонувати нічого, окрім власних проблем. (газ. «Дзеркало тижня», 24.06.2005)

Влада нам відповідає – ви знаєте, от Європа нас не хоче. (<http://korrespondent.net/ukraine/politics/106758-polnaya-stenogramma-teledbatov-mezhdu-yushchenko-i-yanukovichem>)

Вони прагнуть намертво прив'язати нас до Росії, а потім галасують, нібито нас не хоче Європа. (Газета по-українськи, 1.03.2007)

Украина в данных контекстах метонимически представлена в виде местоимения 1-го л. мн. числа *ми* 'мы', определяющего перспективу представления ситуации с позиции Украины и украинцев.

Нужно отметить также, что семантика *не хотіти* не является симметричной к *хотіти*: *не хотіти* обозначает не отсутствие желания, а активное неприятие [Зализняк 2006].

Показательно, что *не хотіти* с обозначением лица (не *хотеть кого*), в отличие от обычных употреблений с обозначениями неодушевленных объектов (*не хочу мороженого*) и с незаполненной позицией второго предиката, обозначающего действие³, иногда появляются и вне узко эротических контекстов. Такие употребления в современном украинском языке имеют разговорный характер, а в письменных текстах встречаются почти исключительно при описании отношения Европы/ЕС к Украине, к попыткам Украины получить перспективу членства в ЕС.

Персонифицированное представление Европы как метафорического объекта эротического влечения, не отвечающего Украине взаимностью, подтверждается и другими примерами. Напр., со словом *горнутися* 'льнуть, ласково прижиматься; тянуться':

Знову будемо чекати, а що ж нам скаже пані Європа? Ми горнемося до Європи, а шанувати свою культуру, берегти свою священну і невмирущу спадщину, на жаль, не вміємо 'Снова будем ожидать, что же нам скажет пани Европа? Мы тянемся (букв. 'льнем, ласково прижимаемся') к Европе, а уважать свою культуру, беречь свое священное и бессмертное наследие, к сожалению, не умеем'. (Отрывок из парламентских дебатов, <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/1728.html>)

в винительном падеже предусматривает отсылку к эротическому желанию. В последнее время данная конструкция, кажется, выходит из употребления, а на ее месте появляются утверждения о том, что в Европе *Украину никто не ждет*. Таким образом, персонифицированную концептуальную схему безответных любовных отношений заступает представление о Европе как о «чужом» пространстве. Однако семантика разочарования, обманутых ожиданий при этом сохраняется (см. прим. 7).

³ В случаях заполнения этой позиции получаем выражения (*не*)*хотеть видеть, хотеть слышать, хотеть слушать, любить, пригласить кого-то*.

Таким образом, выражение *Європа нас не хоче* фиксирует отказ, и к тому же отказ, имеющий резкий и обидный характер. Еще один момент, который следует отметить – это коннотации ненужности и одиночества, связанные, очевидно, с тем, что отказ направлен на одушевленный объект, а ситуация представлена с его точки зрения. На этом фоне возникает обида на Европу⁴.

Далее рассмотрим данные анкетирования, проведенного в 2011–2012 гг. среди украинских студентов. Опрос проводился в Киеве (Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут», 50 анкет) и в г. Острог (Національний університет «Острозька академія», 50 анкет) среди студентов гуманитарных и технических специальностей. Анкета состояла из письменного ответа на вопрос «Что такое настоящая Европа?». Ответы готовились в присутствии интервьюера и не допускали использования дополнительных источников (печатных или электронных).

Анализ текстов с ответами на заданный вопрос показал наличие различных пониманий имени *Європа*: 1) географического (континент, на котором находится Украина); 2) политического (Европейский Союз); 3) оценочного (развитые страны, традиции, высокая культура). При этом второе и третье понимания в ответах преобладают.

При попытках объединить географическое понимание с политическим и оценочным, а также определить место Украины в Европе отвечающие сталкивались с противоречиями:

Справжня Європа – це не лише країни Європейського Союзу, це і ті, що є європейськими за територіальною приналежністю. Європа, якою вона є, і якою повинна була б бути – відрізняється. Отже справжня Європа – Європа без кордонів, де поважають кожного громадянина, незалежно від його національності, це економічна і політична стабільність і міцні європейські кордони. (ж., 20 л.)

Включение географического критерия вводится через противопоставление *не только, но и*. Автор возражает тем, кто считает «настоящей Европой» *только страны ЕС*, не учитывая географического критерия, предполагающего включение в состав Европы Украины. Отсутствие границ и крепкие европейские границы в одно и то же время являются показателями настоящей Европы.

⁴ Согласно определению Анны А. Зализняк, обида – это жалость к себе, соединенная с претензией к другому (Зализняк 2006: 274, 278). О возможности перехода от обиды к агрессии см. (Стефанский 2012: 99–104). В украинском культурном и лингвистическом контексте на первый план выходит ощущение несправедливости происходящего, обманутых ожиданий, а Украина оказывается в роли *скривдженої* ‘обиженной, невинно пострадавшей’.

В другом случае респондент опирается на географический критерий, однако упоминание экономических, политических, социокультурных параметров, хотя бы в ограничительном или отрицательном контексте, а также использование политического критерия «совокупность государств» подтверждают наличие этих показателей в представлениях о Европе:

Справжня Європа – це сукупність держав, які територіально відносяться до Європи [...] Справжня Європа не визначається економічними чи політичними зв'язками, це більші географічне положення, ніж соціальні і культурні зв'язки. (м., 20 л.)

В этом тексте также прослеживается желание возразить, несогласие с существующим положением дел, когда географический критерий не учитывается, а Украина не входит в Европу.

Положение дел в «настоящей Европе» выступает как эталон для явного или, чаще, подразумеваемого состояния дел в Украине:

Справжня Європа – група країн, в яких справді люди знаходяться на першому місці, де все робиться тільки для їх добробуту, а не з метою збагачення одних за рахунок інших [...] Країни, де люди мають повну свободу [...] і не бояться переслідувань після вільної, навіть дуже критичної, висловленої думки. (м., 21)

Настоящая Европа предстает как место, где царят мир и безопасность, где нет насилия, а молодые люди обладают возможностями получить достойную работу:

[...] це місце, де панують мир і злагода, і немає тероризму і насильства. Це місце, де діти можуть спокійно ходити до школи чи гуляти ввечері, а батьки не будуть хвилюватися. Справжня Європа – це місце, де молоді люди мають можливість навчатися, де бажать, і отримувати бажану роботу, а не з червоним дипломом лікаря і перекладача продавати десь на ринку. (ж., 21)

Связь представлений о Европе с историческими традициями в ответах студентов подается как нечто само собой разумеющееся, отчасти банальное и видимо потому нуждающееся в приведении дополнительных, например «поведенческих», параметров, таких как способность помогать друг другу (вновь с использованием конструкции *не только, но и*):

[...] це культурна вихованість її жителів, освіченість і толерантність європейців. Це не лише архітектурні пам'ятки, славетна історія народів, а їх здатність допомогти одне одному, висока гуманність. (ж., 21)

В некоторых случаях упоминание истории, традиции и культуры сопровождается упоминанием о существовании «многочисленных противоречий», характер которых, впрочем, не уточняется:

Справжня Європа – сукупність традицій та історичного багажу. Поняття «справжня Європа» асоціюється у мене з високою культурою, досягненнями, історичним прогресом, який, проте, супроводжується багатьма суперечностями. (ж., 22)

Настоящая Европа описывается респондентами как правовое общество с минимальным уровнем коррупции:

Справжня Європа – це захист прав споживачів, людини, прозоре судочинство, соціальний захист держави та повага до віросповідань [...] це громадянське правове суспільство, де кожен відповідає за свої вчинки та сплачує податки. Це мінімальна корупція та мінімум фінансових махінацій. (м., 21)

В некоторых ответах акцент сделан на идее многообразия:

Європа – це світ, де компактно розміщені десятки народів [...] це контраст мов, культур, світоглядів. (м., 20)

Справжня Європа – це регіон світу, де збережена культурна ідентичність кожної з країн. (ж., 21)

Респонденты подчеркивают успешность и высоразвитость «настоящей Европы», не забывая вновь упомянуть о высоких социальных стандартах и исполнении законов:

[...] для мене справжня Європа – це асоціація з чимось досконалішим єдиним, успішнішим. Це високі соціальні стандарти і неухильне дотримання законів. (ж., 21)

При сопоставлении ответов на анкету с содержанием медийных и новомедийных текстов на темы европейской интеграции обнаруживается ряд общих моментов в представлениях о Европе. Это прежде всего понимание Европы как эталона, использующегося для сравнения с положением дел в Украине и для оценки последнего как неудовлетворительного. В медийных текстах, так же, как в ответах на вопрос анкеты, Украину сравнивают с Европой по признакам качества жизни, социальной защиты, соблюдения законов. Тема безопасности и защищенности человека в Европе преобладает и в ответах на анкету, и в публицистических текстах. При этом создается впечатление, что студенты более уверенно, чем журналисты пишут о европейских демократических и социальных стандартах, о соблюдении законов и прав человека, о культурном многообразии. Показательно, однако, что тема прав меньшинств осталась не затронутой.

Использование образа Европы как эталона сопровождается полемическими замечаниями относительно ЕС как воплощения «настоящей Европы». Противоречие между географической Европой, включающей

Украину, и Европейским Союзом, оставляющим Украину за границами Европы, порождает парадоксальные смысловые эффекты, проявляющиеся, в частности, в эротической концептуальной метафоре *Європа нас не хоче*. Впрочем, эта метафора является настолько ярко риторически окрашенной, что остается принадлежностью публицистического стиля и в ответах на вопрос анкеты не встречается. В тоже время нежелание согласиться с ролью Украины за пределами Европы порождает критические оценки ЕС как в медийных текстах, так и ответах на вопрос о «настоящей Европе».

Заключение

Говоря о внутриязыковой вариативности концепта ЕВРОПА, мы приходим к выводу о том, что однажды избранные приемы концептуализации в дальнейшем сложно корректируются.

Репрезентация Европы как «эталона для сравнения» связана с более длительной традицией, чем та, что порождена нынешними реалиями. Традиционным является и представление отношений Украины с Европой с помощью метафорической схемы, в которой Европа занимает позицию лица с более высоким социальным статусом. Эти представления предположительно восходят к второй половине XIX в. Однако в понимании европейскости и атрибутов Европы произошел определенный сдвиг. Если в XIX в. Иван Нечуй-Левицкий писал о *європейських ідеях*, а украинские интеллигенты XX в. размышляли о *європейській культурі*, то сегодня ЄВРОПА концептуализируется прежде всего как место, где царит социальная защищенность и материальное благополучие.

Набор и содержание духовных ценностей, связанных с Европой, постепенно трансформируются. Теперь это не только высокая культура, образованность, воспитанность, но демократические принципы (права человека, верховенство закона) и стандарты (уровень жизни, социальная защищенность).

Таким образом, возможности модификации устойчивых концептуальных схем, и соответственно, внутриязыковой вариативности концептов, ограничены. Изменение моделей концептуализации на практике означает их замену – но не произвольную, а соотносительную с общим когнитивным фреймом и новым социокультурным контекстом.

Литература

- Bartmiński Jerzy, 1998, *Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem. Na przykładzie stereotypu matki*, [w:] Janusz Anusiewicz, Jerzy Bartmiński (red.), *Język a kultura*, 12, *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki*, Wrocław, s. 63–83.
- Bartmiński Jerzy, 2007, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Geeraerts Dirk, 2010, *Theories of Lexical Semantics*, Oxford: Oxford University Press.
- Grzegorzczkova Renata, Waszakowa Krystyna (red.), 2000, *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne*, cz. 1, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Grzegorzczkova Renata, Waszakowa Krystyna (red.), 2003, *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne*, cz. 2, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Klein E., 1966, *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*, Vol. 1–2, Amsterdam–London–New York: Elsevier, 1966–1967.
- Kövecses Zoltán, 2005, *Metaphor in Culture: Universality and Variation*, Cambridge–New York: Cambridge University Press.
- Wierzbicka Anna, 1996, *Semantics: Primes and Universals*, Oxford: Oxford University Press.
- Апресян Юрий Д., 1995, *Интегральное описание языка и системная лексикография*, [в:] *Избранные труды*, т. 2, Москва: „Языки русской культуры”.
- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.), 2009, *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*, Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго.
- Грінченко Борис, *Словарь української мови*, упорядкував з додатком власного матеріалу Борис Грінченко, в 4 т., Київ: «Довіра» – УНВЦ «Рідна мова» (репринтне перевидання з вид. 1907–1909 р.).
- Зализняк Анна А., 2006, *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва: Языки славянских культур.
- Лосев А. Ф., 1994, *Европа*, [в:] *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 1, гл. ред. С. А. Токарев, Москва: Российская энциклопедия, с. 419–420.
- Стефанский Евгений, 2012, *Этические эмоциональные концепты в русской, польской и чешской картинах мира*, „Etnolingwistyka” 24, s. 95–120.
- СУМ – *Словник української мови в 11-ти т.* Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Яворська Г. М., 2012, *Онтологія мови в працях ОС. Мельничука та сучасна лінгвістика: деякі теоретичні наслідки*, [в:] *Академік Олександр Савич Мельничук і сучасне мовознавство (зб. наукових праць до 90-річчя з дня народження)*, Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго, с. 138–149.
- Яворська Г. М., Богомолов О. В., 2010, *Непевний об’єкт бажання. Європа в українському політичному дискурсі*, Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго.

EUROPE IN UKRAINIAN TEXTS. THE PROBLEM OF CONCEPTUAL VARIABILITY

The article deals with the representation of the concept of EUROPE in contemporary Ukrainian texts. The data are drawn from the media (including the “new media”) and supplemented with questionnaires administered to students (the question asked was: “What is the ‘true’ Europe?”). The concept of EUROPE is linked with norms and values,

---

it is sensitive to the socio-cultural context, as can especially be seen in the time of radical social changes. In this way, the dynamics of the changes in conceptualization (intra-linguistic variability) can be observed. However, conceptualizations are subjected to correction and regulation, as is the case with the metaphorical “teacher – student” schema in portrayals of the relationship between Europe and Ukraine, the presentation of Europe as a pattern to follow, etc. A modification of the model in effect signifies a change, but the change is not arbitrary: it is concordant with a specific cognitive frame and the new socio-cultural context.

KEY WORDS: concept, Europe, values, Ukrainian political discourse